

ИЗМЕНА АРИ ДАЛЕ ГЕНЕРАЛА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ари Дале

Измена генерала

<https://litres.ru/74525599>

SelfPub; 2026

Аннотация

Моя жизнь похожа на идеальную картинку. Идеальный муж-генерал. Идеальный дом. Идеальный сад, в котором мне нравится возиться. Сказка. Но сказкам суждено рушиться. Это и происходит, когда я отвечаю на звонок в телефоне мужа. «Милый, тебя сегодня ждать? Я купила красное белье. Кружевное. Тебе должно понравиться.» Теперь у меня одно желание — уйти. Но что делать, если поймают?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	46
Глава 6	59
Глава 7	75
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Ари Дале

Измена генерала

Глава 1

— Милый, тебя сегодня ждать? — приторно-сладкий голосок вырывает меня из полудремы. — Я купила красное белье. Кружевное. Тебе должно понравиться.

Резко распахиваю глаза и смотрю на экран. Номер незнакомый. И телефон не мой, а... моего мужа. Я сажусь на кровати и подношу телефон к уху. Одеяло сползает к ногам, обнажая грудь, прикрытую лишь белой кружевной ночнушкой.

— Не могу забыть вчерашний вечер. То, как ты меня брал, м-м-м. У меня до сих пор между ног горит, и уже начали проявляться синяки. И след твоей ладони на попке остался, — девушка чуть ли не мурлыкает. — А еще-е-е... свяжи меня снова. Ну-у-у, пожа-а-алуйста. Или может, я тебя?

Хихиканье растворяется в стуке моего сердца, который отдается в ушах, и смешивается с шумом души.

Хмурюсь и снова смотрю на телефон. Наверное, это какая-то ошибка. Уже тянусь к кнопке “Отклонить”, как слышу приглушенное:

— Ди-и-имочка.

Сердце останавливается. Всего на секунду. Но этого хва-

тает, чтобы понять — не ошибка. Руки трясутся, когда я откидываю одеяло. Не глядя, нащупываю тапочки на холодном полу и встаю.

— Дима, — вся приторность из голоса неизвестной девушки исчезает, теперь слышна обеспокоенность. — Ты меня слышишь?

Нажимаю на отбой и бросаю телефон на кровать. Он тонет в пуховом одеяле. А я не могу отвести от него взгляда. Хочу убежать, скрыться, забыть. Но лишь смотрю на телефон и осознаю.

Нет! Не может быть! Не может!

Шум душа стихает, и я разворачиваюсь, чтобы пойти к мужу, когда его телефон пищит.

Невольно, медленно опускаю взгляд на кровать. Экран телефона светится. А на нем появляется зеленый значок пришедшего сообщения. Не осознаю, что делаю, когда тянусь за телефоном, когда беру его, когда ввожу пароль мужа, когда открываю сообщение.

Читаю: «Позвони, когда освободишься».

И вижу фото... фото, из-за которого я сажусь прямо на пол. Заправляю темные волосы за ухо и снова смотрю на изображение, из-за которого вот-вот должна измениться моя жизнь.

Голубоглазая блондинка с растрепанными волосами, красными губами и, явно, перекаченными буферами лежит на мужской груди. На груди с кельтскими татуировками. С

татуировками, которые существуют только у моего мужа. Других таких же в природе нет. Я не ошибаюсь... не ошибаюсь...

Глаза начинают жечь, горло сводит, дыхание застревает в груди. Я кусаю губу. Сильно. Так сильно, что становится больно.

Я... я... я...

Нет. Только не это.

Шаги раздаются из ванной, соединенной со спальней.

Я резко встаю. Голова кружится, но мне не до этого. Я кладу телефон на прикроватную тумбочку и бегу к двери. Нужно скрыться. И быстро. Но тапочек слетает с ноги, и я цепляюсь за ручку дверцы шкафа, чтобы не распластаться на паркете.

Мимолетно смотрю на себя и осознаю, что я полная противоположность блондинки. У меня нет третьего размера груди, и глаза немного раскосые карие — спасибо маме и ее татарским корням.

Ручка на двери в ванную начинает опускаться, и я срываюсь с места, наплевав на тапочек. В два шага добегаю до двери и выскакиваю в коридор ровно в тот момент, когда напротив распахивается дверь душа и на пороге появляется муж в одном полотенце. Его подтянутое тело блестит от воды. Сердце колотится. Но останавливаться я точно не собираюсь. Не тогда, когда захлопываю дверь прямо перед носом мужа. Снимаю тапочек, беру его в руки и бегу по длинному

коридору с белыми стенами к лестнице. Дверь за дверью по обе стороны коридора остаются за спиной, когда я кладу руку на перила и начинаю быстро спускаться по деревянным ступенькам, в которых можно увидеть отражение. Я пару раз даже проскальзывала по ним, когда спускалась в носках. Но босые ноги не дают мне прокатиться до первого этажа на заднице. Зато каменная плитка на полу первого этажа встречает меня холодом. Я его почти не чувствую. Мне нужно убежать. Нужно скрыться. Нужно решить, что делать дальше.

Сама не понимаю, как оказываюсь на кухне. Современный интерьер подбирал дизайнер. Муж не дал мне заняться обустройством дома самой, поэтому я вынуждена наслаждаться серостью в разных ее оттенках: серые шкафчики, серый стол, серые стены. Только пара черных пятен в виде плиты и посудомоечной машины выделяются среди этого уныния.

Огибаю стол и уже хочу выбежать на террасу, а потом на задний двор, чтобы впервые за утро вдохнуть полной грудью, как через стеклянную дверь замечаю дождь. Он стеной стоит, буквально.

Это осознание позволяет мне немного замедлиться.

Нельзя принимать поспешных решений. Не с моим мужем.

Если сбегу, он найдет меня. Где угодно. Генерал же, чертов.

Нужен план.

Вместо того чтобы выбежать под ливень и смыть с себя

аромат предательства, который пахнет точно так же, как мой муж: хвоей и мускусом, —я просто распахиваю дверь.

Глубокий вдох наполняет мои легкие прохладным воздухом, наполненным озоном. Он медленно, словно накрывая с головы до ног, помогает остудить сначала разум, а потом и тело, разгоряченное от бега.

Нужен план.

Разворачиваюсь на пятках и направляюсь к кофеварке. Несколько отточенных движений, и аромат кофе наполняет кухню. Сажусь за стол и наблюдаю за тем, как коричневая жидкость заполняет дно прозрачной кружки, а после чего становится молочно-коричневой. Кофемашина перестает жужжать.

Беру теплую, почти горячую кружку обеими руками и снова подхожу к распахнутой двери. Руки больше не трясутся. Сердце не стучит, как бешеное. Бьется ровно, размеренно, а я делаю глоток мягкой, с легкой горчинкой жидкости и смотрю, как заливает идеально подстриженный газон, как стебли ивы опускаются почти до земли, как гамак, висящий между двух груш, промокает до нитки. Шум быющего по крыше дождя заглушает все мысли, из-за которых ком подкатывает к горлу и не хочет сглатываться. Глаза жжет, но слезы не льются. Все, что я могу делать — так крепко сжимать кружку в руках, что пальцы начинают гореть.

Смотрю на нескончаемый поток воды, льющейся с неба, но не вижу его. Перед глазами встает другая картина.

... обнаженная блондинка привязана к изголовью кровати...

... мой муж, сжимающий ее бедра так сильно, что остаются следы...

... член, входящий в разгоряченную плоть резкими толчками, такими сильными, что даже силиконовая грудь подпрыгивает...

... женский стон, переходящий в крик, после которого срывает голос...

... мужской стон хриплый, сдержанный, грубый...

— Доброе утро, — большие ладони сжимают мои плечи, а на щеке остается след от горячих губ.

Сжимаюсь, задерживаю дыхание, но не вздрагиваю. Зато блеск молнии и следующий за ним гром скрывают мой шумный выдох, когда я перестаю чувствовать присутствие мужа. Когда его хвойный мускусный запах начинает исчезать.

— Доброе, — удается выдавить из себя.

Напряжение все сильнее сковывает тело. Дождь не может скрыть тяжелые шаги за спиной. Я слышу каждый хлопок дверцей, каждое шуршание целлофановой обертки от продуктов, каждый звон посуды, ударяющейся друг о друга. Пытаюсь дышать ровно и размеренно, но тело меня подводит. Из меня вырываются короткие вдохи и слишком длинные выдохи.

— Ты завтракать будешь?

Качаю головой, надеясь, что муж за мной наблюдает, и

мне не придется еще что-то произносить вслух. Боюсь, потому что не знаю, как себя поведу. Кажется, стоит хотя бы слову вырваться, меня будет не остановить. А мне нельзя... нельзя показывать, что я знаю.

Слышу глухой стук и скрип стула по полу.

Вдох.

— Почему ты босиком?

Черт! Черт! Черт!

Выдох.

Пожимаю плечами. Дождь постепенно начинает стихать. Цепляюсь за кружку с почти остывающим кофе. Меня начинает бить дрожь, но не из-за холода. Перед глазами стоит фото. Фото, которое доказывает, что...

Кусаю язык. Сильно. До боли.

Во рту появляется металлический привкус, но не может унести воспоминания.

Татуировка. Та самая, края которой я обводила вчера ночью. Та самая, к которой муж прижал мою ладонь. Та самая, под которой скрывался глубокий шрам и чувствовалось биение его сердца. Ровное. Сильное. Мощное. Не чета моему. Тем более сейчас.

Сердце начинает биться еще сильнее, когда я слышу скрип стула, а за ним звон посуды, поставленной в раковину.

Больше не чувствую пальцы. Даже теплый кофе их не согревает. Руки заledenели, как и я изнутри. Я будто ледяной коркой покрываюсь. Но она такая тонкая, что готова трес-

нуть под волной эмоций, которые застряли где-то в горле. Нужно всего одно слово или неловкое движение, и будет взрыв.

На плечи ложится что-то мягкое и теплое. Я невольно опускаю взгляд и вижу плед. Тот самый, в который я укутывалась, сидя на террасе теплыми вечерами, читая книгу. Тот самый, который принес мне муж, когда заметил эту мою привычку. Тот самый, которым я накрывала его много раз, когда он засыпал прямо в кресле, засиживаясь за работой.

Глаза начинает наполнять влага. Но ни слезинки не проливается.

— Ты же помнишь, что через три недели прием у шейха, на который нас пригласили?

Машинально киваю, хотя сложно сообразить, о чем вообще речь. В голове крутится только один вопрос: «Почему?».

Боже, как же мне хочется его задать. Он рвется из меня. Но я молчу. Впиваюсь зубами в язык еще сильнее и молчу. Нельзя. Не сейчас. Никогда.

— Надеюсь, ты уже начала продумывать свой образ? От этого приема зависит очень важная сделка, — муж гладит мои плечи и проводит по рукам.

Благо, плед становится барьером между нами. Потому что каждое его прикосновение напоминает только об одном — он прикасается не только ко мне!

Я так сильно сжимаю кружку, что становится больно. Сделка? Вот что на самом деле для него важно. Работа.

Нескончаемые сделки. Контракты для Минобороны.

— Буду поздно. Не жди меня, — он оставляет едва ощутимый поцелуй на моей макушке, и я вздрагиваю, когда чувствую его щетину.

Тишина на кухне становится оглушительной. Даже дождь стихает, оставляя меня наедине со своей ошибкой. Если муж заставит меня сейчас повернуться, он все поймет. И у меня не останется ни шанса.

— Все в порядке? — голос вкрадчивый, настороженный.

Я быстро киваю, впиваясь зубами в нижнюю губу. Задерживаю дыхание.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста.

— Ладно. — Я выдыхаю. — Увидимся, скорее всего, только завтра.

Он гладит меня по рукам, после чего отпускает, и я слышу шаги. Хлопок входной двери. Звук заведенного двигателя. Гравий под шинами.

Разворачиваюсь и бросаю кружку в стену. Осколки градом сыплются на пол, оставляя на стене влажное, стекающее вниз пятно.

Бежать! Бежать! Бежать!

Глава 2

«Помоги мне», — я отправила это сообщение почти сутки назад.

С тех пор не находила себе места. Пыталась отвлечься в саду, но постоянно что-то роняла, разливала и даже обрезала стебель моей любимой красной кустовой розы. Кофе, который обычно успокаивал, на этот раз почему-то вызвал лишь дрожь в руках. И чтение тоже не помогало — буквы разбегались. Мне снова и снова приходилось возвращаться к одному и тому же предложению, пока я вовсе не захлопнула книгу.

Даже сейчас, лежа в кровати, я смотрю в потолок, освещаемый рассветными лучами, проникающими через окно, и все, о чем могу думать — муж не ночует дома. Он не удосуживается позвонить. Предупредить. Хотя я-то знаю, где он и что делает. Всю ночь мечусь по смятым простыням и отгоняю картинки, которые подсовывает воображение. Последнее, что мне нужно — представлять, как муж трахает надутую блондинистую куклу в красном кружевном белье. Но мозг, похоже, не собирается останавливаться, дорисовывая новые и новые подробности.

В итоге я откидываю одеяло и спускаюсь на первый этаж, чтобы сварить себе кофе. Может, на этот раз он поможет?

Когда я выхожу на веранду и устраиваюсь в любимом кресле, делаю первый глоток кофе. Теплая, немного терп-

кая, с молочным привкусом жидкость разливается по языку. Закрываю глаза и сосредотачиваюсь на прохладном воздухе. Он обдувает лицо. Холодит кожу. Забирается под тонкую ткань белой ночнушки. И я наконец-то забываюсь. Но ненадолго. Приходит долгожданное сообщение: «готово». Сердце пропускает удар и пускается вскачь. Скоро. Скоро все закончится.

Вот только вместо облегчения в груди что-то сжимается. Глаза наполняются слезами. Я зажмуриваюсь. Нет. Не сейчас. Позже можно будет расслабиться и пожалеть себя. А сейчас нужно собраться с силами и осуществить план.

Я допиваю кофе, совсем не чувствуя вкуса, и иду наверх. Вещи давно собраны в маленький рюкзак. Там только самое необходимое. Пару комплектов сменной одежды, нижнее белье, документы и, конечно же, деньги. Жаль оставлять свою коллекцию платьев, про туфли я вообще молчу, но вызвать подозрение у охраны точно нельзя. Иначе мне не удастся скрыться.

А уйти нужно... нужно...

Хорошо будет, если никто не обратит внимания на джинсы, которые я собиралась надеть. Хотя обычно предпочитаю носить платья.

Еще около часа уходит на то, чтобы принять душ и скрыть синяки под глазами, которые появились в результате бессонной ночи. И, конечно, без сомнений не обходится. Если муж меня найдет...

В зеркале на фоне белой плитки я вижу девушку с волосами, собранными в конский хвост, легким макияжем и в белом шелковом топе. Она выглядит милой, но в глазах поселилась грусть. Ведь она теряет все, во что верила.

Делаю последний вдох, выдавливаю из себя улыбку и спускаюсь.

— Хорошо выглядите, — охранник и по совместительству водитель, которого представил ко мне муж «для моей безопасности», открывает заднюю дверцу машины.

Уже давно не замечаю его бритую голову и шрамы от ожогов, которые покрыли всю кожу правой щеки. Тем более они никак не влияют на его профессионализм. Он даже в жару носит черный деловой костюм. И мы с ним каждый раз спорим из-за дресс-кода. Но я всегда проигрываю перед авторитетом мужа, который установил такую форму для охраны.

— Спасибо, Слава, — я сажусь в машину, но не позволяю себе расслабиться.

Ставлю рюкзак на колени и прижимаю к себе. Там моя новая жизнь. Мне нельзя ее потерять. Остается одна маленькая деталь — и можно начать сначала.

— Куда едем? — Слава садится за руль, и его голубые глаза смотрят на меня в зеркало заднего вида.

— В аутлет «Черная грязь», мне нужно найти платье для приема, — удивительно, но голос не дрожит.

Я смотрю в отражение окна, которое мелькает на фоне домов, и мне удастся рассмотреть в нем спокойную девушку.

Ее глаза сухие, хотя слезы так и подкатывают, а ком в горле не дает нормально глотать. Дышу я ровно и размеренно, вот только почти не вижу пейзажа за окном. Перед глазами стоят воспоминания. Наш свадебный танец, когда я не могла оторвать взгляда от почти черных глаз мужа. Наша первая ночь и его нежность. Никто и никогда так ласково ко мне не прикасался. Наша первая годовщина, на которую перенесли свадебное путешествие из-за работы мужа. До второй мы не дотянули совсем чуть-чуть...

За окном мелькают дома, деревья, машины, а я пытаюсь сдержать слезы.

Не мог же он меня разлюбить так быстро?

Или мог?

А любил ли изначально?

Если нет, то зачем тогда женился?

Зачем было добиваться меня, хотя я с самого начала сказала Диме «нет»?

С отцом-военным у меня устоялось мнение, что никаких людей в форме в моей жизни больше не будет. Но тут появился он. Смотрел на меня так, будто я была единственной девушкой на планете. Я стала его целью или даже вершиной, которую он обязан был покорить.

Дима «дежурил» у моего университета, чтобы подвезти домой.

Привозил подарки из командировок.

Обнимал, когда я поругалась с подругой.

Дима стал моим лучшим другом. И я сама не заметила, как отдалилась от остальных людей в своей жизни. Только с одним человеком я не потеряла контакт, и то все ограничивалось перепиской раз в полгода.

Хотелось проводить время только с мужем. Но чаще всего я проводила время наедине с собой. Читала. Занималась садом. Готовила.

О, как я полюбила готовить. Только в последнее время почти все ужины оказывались в мусорке. Муж не приходил домой...

Я сильнее прижимаю рюкзак к себе. Осталось совсем чуть-чуть. Чуть-чуть, и я смогу позволить эмоциям выбраться наружу. А пока нужно быть сильной.

Машина останавливается у ряда бутиков, и я бросаю Славе улыбку, надеясь, что он получит несильный нагоняй от мужа, когда тот поймет, что я исчезла.

Выхожу из машины и направляюсь к аутлету, который больше напоминает средневековый замок из кирпича, чем место, где собрались магазины разных брендов.

Слава уезжает на парковку. Хорошо, что у мужа не появилась привычка посылать за мной охрану. Водителя оказалось достаточно. И то у нас на эту тему возник спор, потому что я не хотела сопровождения. Зря что ли права получала? Но спорить с мужем - все равно что со стеной. Если он что-то решил, то его мнение уже не поменять. Никакие ссоры, скандалы и даже слезы не помогут. Лучше подчиниться или сде-

лать вид, что сдалась, а потом сделать по-своему.

Водитель не мешал мне. Раньше. Сегодня же я бы предпочла уехать сама. Но выбора у меня нет. Поэтому пришлось придумать многоэтапный план.

Стеклянные двери разъезжаются передо мной, и я окунаюсь в гвалт из разговоров, приправленный громкой музыкой. Из-за слишком сильного сладкого аромата меня начинает мутить, а желудок бурлит, напоминая, что в нем кроме кофе с самого утра ничего не было. Я кладу руку на живот, успокаивая бурление, и делаю шаг к свободе.

Прохожу витрину за витриной, напоминающие старые американские магазинчики. Не останавливаюсь ни у лавочек, ни у фонарей, которые будто бы вытащили из старинных фильмов. Глиняные горшки с деревьями меня тоже мало интересуют. Я вижу свою цель и иду к ней.

Останавливаюсь у охранников у заднего входа и ловлю на себе их внимательные взгляды. Сжимаюсь перед ними и опускаю голову. Меня не покидает ощущение слежки. Оно мурашками спускается по позвоночнику и заставляет постоянно оглядываться. Но я не вижу знакомых лиц. Вот только, зная моего мужа, он мог послать за мной кого угодно: хоть бомжа, хоть девушку с грудным ребенком. У этого человека в руках слишком много власти. Раньше меня это не волновало. Но сейчас...

Я последний раз окидываю взглядом людей позади. Две брюнетки в сиреновом и красном шифоновых платьях сидят

на лавочке, что-то живо обсуждая. Мужчина с сединой в сером деловом костюме стоит с несколькими бумажными пакетами в руке и скучающе рассматривает витрину. Из магазина выбегает девчушка лет восемнадцати, прыгает на шею мужчине, целует его в щеку и передает пакет. Она с двумя русыми косами и в драных джинсах разительно отличается от мужчины, который расплывается в улыбке, берет ее за руку и идет к следующему магазину. Другие люди тоже не вызывают подозрения. Все заняты своими делами. Но что-то явно не так. Интуиция меня редко подводит.

Поэтому я быстро ныряю в проход и оказываюсь под затянутым тучами небом. Достāju телефон из кармана. Отправляю сообщение: «я на месте». Не проходит и минуты, как рядом тормозит джип.

Я машинально делаю несколько шагов назад. Сердце стучит так сильно, что заглушает визг тормозов. Я оглядываюсь и хочу рвануть обратно в торговый центр, в относительную безопасность, когда пассажирская дверца распахивается и из темноты машины показывается знакомое лицо со щетиной и русыми волосами. Голубые глаза впиваются в меня, губы поджаты.

— Садись, у нас мало времени! — Артем оставляет дверцу открытой, а сам цепляется за руль.

Как только я забираюсь внутрь, машина срывается с места, а мне на колени падает пухлый конверт. Я открываю его и достаю несколько маленьких книжечек.

— Новые паспорта и водительские права, — Артем резко поворачивает, и мне приходится вцепиться в сиденье, чтобы меня не выбросило из кресла. — Билет на самолет тоже там. Ты летишь во Владивосток, а потом уже сама решишь, куда отправишься. Сначала нужно убраться подальше из Москвы. Ты наличку приготовила?

— Да, — шепчу я, пока пытаюсь пристегнуться, что выходит крайне плохо с учетом того, что Артем обгоняет машину за машиной. Он так крепко сжимает руль, что необъятные бицепсы под черной футболкой напрягаются. — Спасибо тебе. Если бы не ты...

Мне приходится прикусить губу. Перед глазами мутнеет, а грудь сжимается. Скрываемые последние два дня эмоции начинают рваться наружу, как только я оказываюсь в безопасности. Пока рано. Я сильнее впиваюсь зубами в нижнюю губу. Мне, наконец, удастся пристегнуться. Откидываюсь на спинку кресла и цепляюсь за новые документы. Они — мой единственный шанс.

— Я же говорил, когда ты замуж за него выходила, что он — не тот человек, каким кажется, — Артем в очередной раз перестраивается.

Остается совсем недалеко до аэропорта.

— Не напоминай, — я прикрываю глаза. — Не сейчас, пожалуйста.

Мой голос еле слышен. А я готова сорваться в бездну. Же-

лудок сводит, глаза горят, нижняя губа трясется. Я сильнее сжимаю челюсти, делаю глубокий вдох и отрываюсь от спинки кресла.

Засовываю документы в рюкзак и смотрю на Артема. Он сосредоточен на дороге. Его движения хоть резкие, но уверенные. А взгляд не отрывается от цели. Артем — единственный человек, к кому я могла прийти с любой проблемой. Но никогда не думала, что придется просить помощи, чтобы сбежать от мужа.

— Прости, что втянула тебя в это, — я снова обнимаю рюкзак, будто он — мой спасательный круг. — Если Дима узнает, что ты...

— Ничего не будет! — ответ Артема резкий, как и очередной поворот. — Он не всемогущий.

— Надеюсь, ты не ошибаешься, — мой шепот в тишине машины оглушает.

Не хотелось бы, чтобы Артем пострадал из-за меня. Если бы я обратилась к отцу, тот передал бы меня прямо в руки мужу. Тем более тот стал преемником его должности, когда мы поженились. Первое время я думала, что Диме как раз от меня нужно расположение моего отца, но быстро отмела эту мысль. Слишком уж искренним он казался, когда я дала ему шанс. Видимо, зря...

В кармане джинсов звонит телефон. Я вздрагиваю. Пальцы дрожат, когда я вытаскиваю его из кармана. А когда смотрю на экран, вовсе роняю гаджет себе на колени. Он продол-

жает вибрировать, а с экрана меня прожигают карие осуждающие глаза мужа. Да, это была просто фотография, но сомнений не осталось:

«Он знает. Он точно знает. Боже».

Я быстро беру телефон и нажимаю на кнопку сбоку. Экран гаснет, вибрация прекращается. Но... звонок повторяется.

— Он? — голос Артема напряжен, как и я сама.

Переворачиваю телефон экраном вниз и киваю. Только потом вспоминаю, что Артем меня не видит.

— Кажется, он знает, — слова срываются с моих губ.

— Я и не думал, что твой побег надолго от него укроется, — бормочет Артем больше для себя, чем для меня, и прибавляет газа.

Я все еще не могу перестать смотреть на белую заднюю крышку телефона. Взгляд натывается на три камеры, и непонятно откуда появляется ощущение, что Дима может следить за мной через них.

Я отклоняю вызов и выключаю телефон быстрее, чем могу сообразить, что делаю.

«Твою же мать. Теперь он точно знает!»

Но вернуть уже ничего не получится. Тем более что Артем останавливается у здания аэропорта. Он выскакивает наружу и, пока я отстегиваюсь, огибает машину. Открывает дверцу

и протягивает мне руку, которую я моментально принимаю.

— Тут нельзя парковаться, — только успеваю сказать я, когда понимаю, что Артем тащит меня к стеклянной двери.

— Потом разберусь, — шаги Артема широкие и быстрые, мне приходится бежать, чтобы успевать за ним.

Я забрасываю рюкзак на плечо и цепляюсь за шлейку, удерживая от падения. Мы вместе с другими людьми заходим в аэропорт. Теряемся в толпе. Голос диспетчера звучит из динамиков и, кажется, объявляет мой рейс.

— Артем... — я тяну его за руку, но он только ускоряет шаг.

— Не волнуйся, все схвачено, — Артем тащит меня непонятно куда, огибая кучу людей, которые либо решили отдохнуть, либо тоже пытаются скрыться. Возможно, от себя самих.

Я быстро переставляю ноги, рюкзак подпрыгивает на спине, дыхание прерывается. Но Артем все так же тянет меня вперед, пока не останавливается у стойки регистрации в бизнес-класс.

Мои глаза округляются, а лямка рюкзака падает на сгиб локтя.

Хочется достать билет, но и так понятно, что я там увижу. Сколько Артему стоил мой побег?

— Иди! — Артем тянет меня к девушке в синей форме, которая проверяет билеты на регистрацию. — Срочно.

— Но...

Артем не смотрит на меня. Его взгляд скользит по пространству за моей спиной, но нигде не задерживается. И хорошо...

— Тебе нужно идти, — Артем забирает у меня рюкзак и открывает его. — Прямо сейчас. Я свяжусь с тобой, как только смогу.

Он сует мне документы в руки и подталкивает к стойке регистрации. Я автоматически протягиваю документы девушке. Она их быстро просматривает и отдает мне, даже ничего не спросив. Снова оглядываюсь на Артема, он смотрит на меня пристально и... с грустью.

Хочу сделать шаг к нему, но он качает головой.

— Иди, — одними губами произносит он и делает несколько шагов назад.

Я делаю глубокий вдох, говорю тихое «спасибо» и отворачиваюсь.

Не помню, как прохожу досмотр. Меня куда-то ведут. И я просто иду вперед, ни о чем не думая. Получается очнуться, только когда через стеклянную стену вижу, что парни в черном и с наушниками в ушах останавливаются рядом с Артемом. Замираю. Не могу отвести взгляда. Разговор кажется вежливым до тех пор, пока Артем не отталкивает одного из парней, а на второго замахивается кулаком. Второй парень перехватывает его руку и заламывает за спину. Артем пытается вырваться, но на него наваливается первый. Вдвоем они прижимают Артема лицом к полу и скручивают.

Я вскрикиваю и прикрываю рот рукой. Уже начинаю разворачиваться, чтобы вернуться. Но слышу голос за спиной.

— Что-то случилось?

Оборачиваюсь. Молоденький паренек с ямочками на щеках и в синей форме выглядит действительно обеспокоенным.

— Мне нужно... — я снова поворачиваюсь к стеклу, но больше не вижу ни Артема, ни парней в черном. Бегаю глазами по залу. Натыкаюсь на разных людей. Кто-то прощается, кто-то обнимается, а кто-то стоит в одиночестве рядом с чемоданом на колесиках. Но Артема нигде нет. Нигде!

— Вам нужно в самолет. Он ждет только вас, — паренек отступает на пару шагов, освобождая для меня путь. Но я не двигаюсь. — Вы понимаете, что самолет без вас не улетит.

Последний раз смотрю через стекло.

Пожалуйста. Пожалуйста. Пожалуйста. Только не это.

Внутренний голос кричит об опасности, но выбора у меня не остается. Сейчас только вперед. Нельзя назад. Пусть только с Артемом все будет в порядке.

До самолета дохожу без приключений. Свое место у иллюминатора тоже нахожу без препятствий. В соседнем кресле никого нет. Чему я втайне радуюсь. Мне нужно хоть немного уединения. События последних двух дней накрывают меня с головой.

Звонок, сообщение, мои фантазии о сексе мужа с надув-

ной куклой то и дело прерываются воспоминанием об Артеме, которого повалили на пол. Смотрю в иллюминатор и почти ничего не вижу. Первая слезинка скользит по щеке. Я быстро стираю ее.

«Потерпи еще немного. Осталось совсем чуть-чуть», — говорю я себе и делаю глубокий вдох.

— Дорогие пассажиры, — взволнованный голос бортпроводницы звучит через динамик. — Прошу прощения за задержку. Возникли непредвиденные обстоятельства. В течение десяти минут мы взлетим.

Сердце пропускает удар. Боже. Боже. Боже. Хватаюсь за ручки кресла и стараюсь размеренно дышать. Но не могу. Тянусь к ремню безопасности. Хочу его отстегнуть, но руки трясутся. Дергаю. Еще раз и еще. Но у меня ничего не выходит! Господи! Это точно он! Он!

Щелчок защелки становится для меня спасительным звуком. Я готова бежать. Выпрыгнуть из самолета. Только не видеть его. Вот только...

Крупный накачанный мужчина в темно-зеленой форме опускается в соседнее кресло, а мне на колени падает что-то.

— Золушка, ты потеряла тапочек.

Глава 3

— Где Артем? — я замираю посреди спальни и впиваюсь взглядом в мужа, который успел переодеться в джинсы и черную футболку. Темный ежик волос влажный. Капли поблескивают в свете от люстры посреди комнаты. Взгляд жесткий, исподлобья.

Я все это время расхаживала по спальне своего же дома и даже выйти не могла! Окно оказалось заколочено, а дверь заперта. За последние несколько часов я успела возненавидеть любимый когда-то пушистый белый ковер и деревянную вставку на стене за кроватью. Тумбочки по обеим сторонам от нее, как и комод напротив, я вывернула в поисках ключа. Что я там только не нашла: несколько леденцов, кучу разных бумаг, пару своих книг, блокнот, с десятков ручек и карандашей. Но никакого ключа! Шкаф перебирать я не стала. Зато чуть бежевую штору не оборвала, когда пыталась открыть окно. Готова была выпрыгнуть со второго этажа, чтобы больше не видеть лица мужа, который затолкнул меня в спальню, а сам смылся, не удосужившись поговорить.

— Твой любовник? — Дима запирает за собой дверь, и ключ кладет в карман. — А есть разница?

— Любовник? — я впадаю в ступор, но ненадолго. — Любовник?! И у тебя язык поворачивается говорить это мне?!

Дима прислоняется плечом к косяку двери, складывает

руки на груди и смотрит на меня так пристально, что мне становится не по себе. Щетина на его лице стала гуще и длиннее, видно, что он не брился несколько дней. Глаза выглядят уставшими, словно он не спал. Всю ночь трахал свою куклу и забыл о сне?! Так хочется запустить в него чем-нибудь, но я сдерживаюсь. Понимаю, что ругаться с ним — себе дороже. Хотя, откуда мне знать? Мы за почти два года брака ни разу не ссорились. Спорили, да! Но чтобы ругаться? Да мы почти не говорили. Либо Дима пропадал на работе, либо говорили о чем-то обыденном, либо сексом занимались.

Чуть не скриплю зубами, когда перед глазами встает фото той самой блондинки. Я бы точно чем-нибудь тяжелым стукнула мужа по голове, если бы это помогло стереть невозмутимость с его лица. Но понимание, что у меня всего один шанс исправить ошибку, не дает мне поступить столь опрометчиво.

— Где Артем? — говорю я уже спокойнее, но руки сами сжимаются в кулаки.

— Какая разница? — Дима склоняет голову набок. Его густые черные брови сдвигаются к переносице, и он делает шаг ко мне.

Я отступаю.

Он наступает.

Я снова отступаю.

Он надвигается на меня до тех пор, пока я ногами не врезаюсь в кровать. Но Дима не останавливается, пока полно-

стью не сокращает расстояние между нами. Я чувствую его дыхание у себя на лице, когда он захватывает в плен мой взгляд. Смотрит на меня так, будто хочет что-то найти в моих глазах. Но не прикасается ко мне. Жар его тела проникает в меня, опалает, путает мысли. Он всегда напоминал мне печку, о которую можно погреться. Но сейчас это ощущается куда ярче. И мне хочется отодвинуться, чтобы хоть немного остыть, внутри меня бурлит пламя гнева.

Один неверный шаг, и будет взрыв.

— Какого хрена сегодня было? — цедит Дима сквозь стиснутые зубы, не отрывая от меня потемневшего взгляда.

— И ты еще спрашиваешь? — я приподнимаю бровь. Голос звучит хрипло, надломлено. Наполняется злостью, которая скрывает боль и помогает сдерживать слезы.

Кажется, это становится последней каплей, потому что Дима толкает меня. Я не успеваю понять, что происходит, как оказываюсь спиной на кровати, а муж нависает надо мной. Он упирается локтями по обеим сторонам от моей головы. Грудью чувствую его тяжелое дыхание. А между ног упирается его член.

Это осознание возвращает мне разум. Я начинаю ерзать, толкаться, крутиться — делать все, лишь бы выбраться. Он не имеет права прикасаться ко мне! Не после всего!

Но мне удается лишь немного сдвинуться, чтобы не чувствовать его член между своих ног. А в следующее мгновение Дима перехватывает мои запястья и фиксирует одной

рукой над моей головой. Второй — упирается в кровать рядом с моим лицом. Ногами он обхватывает мои бедра. Зажимает меня в капкане своего тела. И только после этого немного расслабляется. Но недостаточно, чтобы у меня была хоть какая-то надежда на освобождение. Любую попытку он предотвратит. Вот только... это не повод ее не предпринять. Я пытаюсь сдвинуться, но чувствую, как «сети капкана» снова натягиваются.

— Ева, не выводи меня! — голос мужа хриплый.

Он дышит так же тяжело, как и я. Его взгляд темный, опасный. Я никогда не видела его таким. Знала, что он может быть жестким. Даже беспощадным. После того, через что ему довелось пройти, странно, что у него остались хоть какие-то чувства.

Хотя... о чем это я вообще? Какие чувства? Обо мне он не думал, когда трахал белобрысую дрянь!

Я стискиваю зубы и вздергиваю подбородок. Смотрю на мужа прямо, ровно. Никакой нежности нет, только отвращение. Его пальцы на запястьях жгут. Боли не чувствую, но прикосновение бурлит во мне настоящей яростью. Она будто следы оставляет: темные, горячие, уничтожающие.

Сердце колотится в груди, а губы превращаются в тонкую белую линию.

Мне нужно только одно, чтобы Дима меня отпустил. Не хочу чувствовать его прикосновения. Мне неприятна тяжесть его тела. И тем более бесит, что в его руках вся власть.

Наверное, мысли отражаются у меня на лице, потому что густая черная бровь мужа ползет вверх.

— Можешь сказать, что случилось? — Дима все еще крепко держит меня, но, по крайней мере, голос звучит спокойно. Мне же хочется кричать, язвить, ерничать!

Хочется назвать его идиотом! Или спросить, может, он такой считает идиоткой меня? Думает, что я полная дура, раз раньше не узнала про измену? А может, он прав?

Силы покидают меня, и я шепчу:

— Отпусти, — прикрываю глаза, — и поговорим.

Несколько мгновений промедления становятся для меня настоящим испытанием. Я чувствую все: его теплое дыхание у себя на коже, свежий аромат с нотками мускуса и хвои, силу его тела.

Время тянется так долго, что картинки измены мужа успевают пронестись перед глазами, но, в итоге, я чувствую желанную легкость.

Дима слезает с меня, после чего поправляет задравшуюся футболку, прислоняется бедрами к комоду и складывает руки на груди. Ждет. Я же отползаю к изголовью кровати, подтягиваю к себе ноги, обнимаю их и бросаю безнадежный взгляд на мужа.

— Ты думал, я не узнаю? — вырывается быстрее, чем я успеваю себя остановить.

Нижняя губа начинает трястись, я прикусываю ее. «Горящие» глаза, кажется, становятся нормой для меня, и нужно

обзавестись увлажняющими каплями, потому что эмоции в ближайшее время мне придется засунуть в дальний угол своего сознания.

Осознание, что он меня не отпустит, постепенно начинает проникать в разум.

— Говори конкретнее, — Дима склоняет голову к плечу. Лицо спокойное, но я-то знаю, что он оценивает меня, изучает, планирует.

Его генеральская натура постоянно все анализирует. Ищет лазейки, слабые места, за которые можно зацепиться, а потом ударить туда. Но выбора у меня не остается — теперь нужно говорить правду. Ведь план побега провалился.

— Позавчера я спросонья случайно ответила на звонок на твоём телефоне, — я кладу голову на колени и смотрю в окно — лучше туда, чем на мужа. — Как давно ты мне изменяешь?

Не вижу Диму, но знаю, что он даже не шелохнулся. Ни одна эмоция не проскользнула на его лице. Никакой реакции, кроме пристального оценивающего взгляда, я не получаю.

— С самого начала, — ответ четкий, однозначный.

Прикрываю глаза, прикусываю язык.

Никакой лжи. Ее никогда не было. Просто нужно было задать правильный вопрос, чтобы получить ответ. И чувств моих никто никогда не щадил.

— Почему? — губы еле шевелятся и болят, так сильно я

их сжимаю и впиваюсь в них зубами.

— А почему нет?

Давлю в себе порыв слететь с кровати, подскочить к мужу и начать колотить по его каменной груди, за которой скрывается ледяное сердце. Как я раньше не замечала? Оправдывала отстраненное поведение мужа чем угодно: сложной работой, последствиями службы в горячих точках, отсутствием заботы в детстве. Но все оказалось вполне банальнее: он просто меня никогда не любил.

Вместо того чтобы вылить на мужа боль, которую он мне причинил, продолжаю смотреть в окно. Бетонная стена скрывает множество частных домов, утопающих в деревьях. В каком-нибудь доме наверняка живет счастливая семья с детками: старшим мальчиком и совсем малышкой-девочкой. У них точно есть большой пушистый белый пес и черная кошка, которая больше напоминает черепаху, чем хищника. Ведь в еде ее никто не ограничивает. Перед домом ухоженный сад соседствует с лужайкой, на которой папа обустроил детскую площадку. Он сам выбирал горки, ставил качели, даже машину нанял, чтобы она привезла песок для песочницы.

И каждый вечер, пока мальчик качает сестру на качелях, потом помогает забраться на горку и ловит, когда она соскальзывает по наклоненному вниз металлу, их задорный смех вызывает у родителей улыбку. Пока они пьют чай на террасе, нежась в объятьях друг друга, и наблюдают за

детьми.

Мечта, которой не суждено осуществиться. Мечта, которая рушится прямо на глазах. Мечта, которой я сама себя лишила.

— Я хочу развестись, — дается мне легко.

Думала, будет невыносимо произносить эти три слова. Думала, язык не повернется. Думала, сердце болезненно сожмется.

Но на самом деле чувствую только пустоту. Она окутывает тело. Очищает разум. Дает возможность ненадолго забыться.

— Нет! — жестоко, но ожидаемо.

Я усмехаюсь и опускаю ноги на пол, после чего встаю с кровати. На Диму не смотрю и так знаю, что он превратился в гарпию на крыше замка, которая следит за своей жертвой и ищет удобный момент, чтобы напасть.

— Зачем этот фарс? — я подхожу к окну и вижу себя.

Волосы растрепаны, уголки губ опущены, глаза безжизненные.

Кажется, я начинаю превращаться в статую под стать мужу.

— Ты моя жена. Такой ответ тебя устроит?

Я резко оборачиваюсь. Как и думала, Дима стоит в той же позе. Кажется, он даже не дышит и сердце его не бьется.

— А если нет? — я вскидываю бровь.

— Это твои проблемы. Развод я тебе не дам!

Наконец-то, Дима отрывается от комода. Я вжимаюсь в

подоконник, что от него, конечно, не скрывается. Но вместо того, чтобы пойти ко мне, он разворачивается к двери.

Жесткие мышцы напряжены под футболкой. Волосы на затылке больше напоминают щетину. А массивные руки ослабленно повисли вдоль тела, но я-то знаю, что в любой момент они могут перейти в режим боевой готовности и переломить врага.

Я в растерянности смотрю мужу вслед и не знаю, что делать. Надежда покинула меня еще в тот момент, когда он вывел меня из самолета и посадил в свою машину. Она осталась в мусорке вместе с моим телефоном и документами, которые привез мне Артем. Но в груди все еще тлел небольшой уголек надежды на благоразумие мужа. На то, что у нас получится найти решение, которое поможет... поможет что? Восстановить отношения? Расстаться мирно? Найти компромисс?

Я точно идиотка, раз верила, что есть надежда. Не с моим мужем. Не с его желанием все контролировать. Не с его возможностями.

Дима останавливается прямо у двери и смотрит на меня через плечо.

— Хочешь узнать, где твой Артем? — кривая усмешка появляется на лице мужа.

И мне впервые становится по-настоящему страшно.

Глава 4

Меня мутит.

Я спускаюсь по лестнице и чувствую, как тошнота подкапывает к горлу. Кажется, стены наезжают на меня, а ступени ходят ходуном. Нога соскальзывает, и я полетела бы кубарем вниз, но Дима разворачивается и хватается меня за талию. Держит крепко и ловит мой взгляд. Его глаза черные. Настолько темные, что в них можно увидеть его истинную натуру.

Я хватаюсь за перила и твердо произношу:

— Отпусти.

Он не слушает. Все еще держит меня одной рукой, когда второй — скользит вверх к плечу, проводит по предплечью к сжимающим перила пальцам. Он обхватывает их, зажимает в своей ладони, и только после этого убирает руку с моей талии.

Не говоря ни слова, Дима разворачивается и продолжает спуск. У меня не остается другого выбора, как следовать за ним. Сосредоточиться не получается. Я не могу оторвать взгляда от его огромной руки, в которой утонула моя ладонь. Жар от прикосновения распространяется по телу. Нужно бы вырвать руку, залепить мужу пощечину, а еще лучше столкнуться с лестницей, но я послушно иду следом за ним.

И тошнота разом проходит.

Совсем не вовремя вспоминаю, как он целовал меня в лоб, проверяя температуру, когда прошлой зимой я неудачно прогулялась на морозе. Он приносил чай, который помогал притупить боль в горле из-за непрекращающегося кашля. Даже кормил меня с ложечки, ведь стоило мне подняться, голова тут же начинала кружиться, и я падала обратно. Дима ухаживал за мной, заботился, даже дела на работе отменил. Он не отходил от меня несколько дней, пока температура не спала окончательно.

Но место нежности, которая начала расцветать в груди, быстро занимает боль предательства. Она щупальцами обхватывает грудь и так сильно сжимает, что становится трудно дышать. Ладонь потеет, но из руки мужа она не выskalывает. Дима держит меня крепко и отпускать не собирается. Хотя я не сомневаюсь, что чувствует не только насколько она влажная, но и как мой пульс растет все сильнее и сильнее.

Нужно успокоиться. Не время поддаваться эмоциям, особенно когда каждый шаг приближает меня к неизвестности.

Артем...

Он пострадал из-за меня. А то, что Дима встретил его не чаепитием, не вызывает сомнений.

Если бы я не написала Артему... если бы не попыталась сбежать, не чувствовала бы сейчас, как внутренности сжимаются, когда муж проводит меня мимо кухни. Теперь-то я знаю, куда мы направляемся. В конце коридора за кухней всего одно место, где можно держать человека.

Я сглатываю. Дрожь проносится по телу. Рука мужа сильнее сжимает мои пальцы. Причиняет боль, но я молчу. Даже внимания не обращаю, потому что Дима нажимает на позолоченную ручку деревянной двери, и перед нами открывается тьма. Настоящий мрак, который быстро рассеивается, когда Дима нажимает на выключатель на стене. Свет освещает кирпичные стены и бетонные ступени, ведущие в подвал дома, где находится винный погреб.

Я кусаю губу, когда мы начинаем спускаться. Сердце так сильно колотится в груди, что за его стуком я не слышу шум вентиляции. Чем ниже спускаемся, тем холоднее становится. Я содрогаюсь, что не скрывается от мужа. Он ведет плечами, но не оборачивается. Просто ведет меня вниз, пока мы не оказываемся в просторном помещении, отделанном серым натуральным камнем. По стенам тянутся деревянные полки с бутылками из-под вина, а посреди комнаты должен был стоять деревянный стол с высокими стульями. Должен был, но...

— Дмитрий Геннадьевич, — Слава оборачивается.

Он стоит посреди погреба. На его лбу выступает пот. Шрамы на щеке выглядят грубее из-за приглушенного освещения. Верхние пуговицы белой рубашки расстегнуты, а рукава закатаны до локтей. Руки сжаты в кулаки. Костяшки сбиты. На них выступает кровь.

Слышу стон. И закрываю рот рукой.

Из меня не вылетает ни звука, но я не могу оторвать взгля-

да от привязанной веревкой к ножке стула босой ступни. Слава отходит в сторону, и я поднимаю взгляд по ноге, обтянутой джинсами. Черная футболка появляется следующей. На груди в нескольких местах она меняет цвет и становится плотнее. У ее края на шее замечаю красное пятно и смотрю выше.

— Боже, — шепчу я и делаю шаг назад.

Пытаюсь вырвать руку из хватки мужа, но он держит так крепко, что, кажется, одно неверное движение и я сломаю пальцы. Но это меня не останавливает. Тяну руку на себя. Не отпускает. Дергаю. Чувствую резкую боль. Дергаю снова. Снова. И снова.

Но вместо того, чтобы отпустить, Дима перехватывает меня за запястье и подтягивает к себе. Он становится у меня за спиной и кладет руки мне на плечи. Сам же близко прижимается. Так близко, что я чувствую его твердую грудь своей спиной. Его дыхание горячит мою шею и посылает по телу мурашки. Мурашки ужаса.

— Ты хотела знать, где твой Артем, — шепчет Дима мне на ухо. — Смотри.

Я содрогаюсь всем телом, хочу отвернуться или закрыть глаза, но не могу. Смотрю на Артема, и чувствую, как слезы начинают течь по щекам. Его лицо опухло. Один глаз заплаыл и покрылся полусохшей, вытекшей из брови кровью. Губы разбиты. Нос неестественно согнут.

Артем еле держит голову. Она качается: то и дело пыта-

ется упасть назад или на грудь. Но все же Артем смотрит на меня. Одним глазом, но смотрит. И, кажется, жалеет. Жалует меня. Хочет что-то сказать, но его губы почти не шевелятся. А из горла вырываются нечленораздельные звуки. Голова Артема падает на грудь. Он пытается ее поднять, но не может. Не может...

Что же я наделала?

— Зачем? — еле слышно произношу я.

Ноги приросли к земле, а взгляд прикован к Артему. Слышу его вдохи, хриплые, немного булькающие. Боюсь даже представить, что творится под футболкой. А что внутри?

— Зачем? — смешок мужа отражается от стен и звучит словно гром в закрытой комнате. — Он должен понять: нельзя трогать мое.

Я резко разворачиваюсь.

— Твое?! — толкаю мужа в грудь. — Твое?

Наступаю на него. Дима не двигается. Смотрит на меня. Ждет.

А мне срывает крышу.

Я сама иду в пасть к хищнику.

— Твое говоришь? — снова толкаю его, он позволяет. — Тогда какого хрена ты трахал другую бабу? Или даже не одну?

В глазах мужа загорается огонь. Вижу, как искра вспыхивает, и понимаю, что снова попала в капкан. Но отступить или сбежать не успеваю. Муж перехватывает меня, развора-

чивает и впечатывает спиной в стену. Полки рядом с нами трясутся, но ни одна бутылка не падает.

— Разве есть разница? — Дима шепчет мне прямо в губы.
— Какая разница, кого я трахал, если все равно возвращался к тебе?

Дыхание застревает у меня в груди. Я открываю рот, чтобы что-то сказать, и сразу же закрываю. Ни слова не вылетает из меня. А что я могу сказать? Какие аргументы привести? Как переплюнуть извращенную логику мужа?

Стон разносится по комнате, и я пытаюсь выглянуть из-за плеча Димы, но он так крепко прижимает меня к себе, что даже пошевелиться не удастся. Я могу лишь смотреть в его черные глаза и осознавать, в какую трясину меня затянуло.

— Ему нужно в больницу, — мой взгляд мечется по жесткому лицу мужа, пока его пальцы впиваются в мои плечи.

Я чувствую своей грудью биение его сердца. Ровное. Сильное. Не чета моему. Мое сердце бешено бьется, а дыхание вторит ему. Губы пересохли, и я не могу сдержать порыв облизать их. Это сразу же привлекает внимание мужа. Его взгляд моментально опускается на губы, а член дергается.

Еще один стон врывается в мое сознание, и я чувствую горячую вину, разливающуюся в моей груди.

— Пожалуйста, — шепчу я, — отправь его в больницу.

Дима не двигается. И кажется, не собирается. Его взгляд возвращается к моим глазам. Что-то ищет там. Пытается докопаться до сути. Найти правду. Но какую, известно только

ему.

— Он заслужил все это, — Дима шепчет мне на ухо. — Ты — моя.

Осознание его слов приходит не сразу. Сначала я чувствую, как муж губами скользит по моей шее. Нежно. Почти невесомо. Потом его запах начинает кружить голову и не дает ясно мыслить. Прикосновение сильной руки к бедру посылает волну жара по телу и не дает сосредоточиться. Тело предает меня. Оно подчиняется сильнейшему. Признает своего хозяина.

Но разум... он коварен. В момент, когда я хочу закрыть глаза, отдать всю власть мужу, разум подбрасывает мне воспоминание. Я не понимаю, реальное оно или плод моей фантазии, но то, как муж трахает любовницу, быстро отрезвляет меня. Я начинаю вырываться. Брыкаюсь, толкаю, бью мужа по голени. Вот только ему нипочем. Дима стоит, не шелохнувшись и... улыбается.

Замираю.

За почти два года семейной жизни я только раз или два видела его улыбку. Что вообще происходит?

— Какого хрена? Я сказал, отвалите от меня, — дверь ударяется об стену, а по ступеням в погреб слетает огромное тело.

Чувствую облегчение. Вадим в черной водолазке и в черных спортивных штанах замирает посреди комнаты. Сразу за ним следуют двое охранников. Они чем-то даже похожи,

хотя на самом деле абсолютно разные. Один худощавый, белобрысый и до невозможности высокий. Его впалые щеки так сильно отличаются от отъевшегося лица второго охранника, у которого за черным костюмом явно скрывается мощное тело, если судить по тому, как пиджак натягивается на груди. Возможно, растерянные взгляды, которые они бросают на моего мужа, делают их роботами в моих глазах. А стоит мужу кивнуть, оба, как болванчики, разворачиваются и начинают подниматься вверх.

Вадим же остается. Он внимательно осматривает помещение. Тело его напряжено. Обычной задорной улыбки нет на лице. Взгляд ястребиный, не упускающий ни одной детали. Он проходится по рукам Славы, по Артему и его повреждениям, после чего остановился на мне с мужем.

Сегодня Вадим как никогда напоминает мне Диму. Та же щетина, тот же нахмуренный взгляд, только глаза не черные, а голубые. Волосы взлохмачены. Такое чувство, что его вырвали из постели или оторвали от важного задания, иначе, вряд ли он обошелся бы без делового костюма.

— Что здесь происходит? — Видим сует руки в карманы штанов, пытается казаться расслабленным, но от меня не скрывается, как дергаются желваки на его лице. И этот взгляд... От обычно добродушного брата мужа не осталось и следа.

— Ты здесь ни при чем, — Дима разжимает пальцы, но при этом не отходит и спиной загораживает меня. Либо, что

вероятнее, не хочет выпускать меня из вида. Стоит мне дернуться, он поймает, и я буду наказана за непослушание.

— Не при чем? — Вадим вскидывает бровь. — Ты избил моего заместителя, а я не при чем?

— Он переступил черту, — Дима пожимает плечами.

Они напоминают хищников: внешне расслабленные, но в любой момент готовы напасть. И эпичность зашкаливает: брат против брата. Прямо библейская сцена.

Я же бросаю взгляд на Артема. Он выглядит плохо. Голова так и лежит на груди. Несколько капель свежей крови собралось на каменном полу. А еще... он больше не стонет.

— Какую черту он мог переступить, что ты его так? — Вадим обводит рукой неподвижного Артема.

— Тронул то, что ему не принадлежит, — спокойные слова, слетевшие с губ мужа, что-то перещелкивают в моей голове.

Не принадлежит? Не принадлежит?! То есть я тебе принадлежу?! Я не вещь, чтобы принадлежать кому-то!

Со всей силы я толкаю мужа в спину. Он явно не ожидает такого подвоха. Теряет равновесие, спотыкается. Но вместо того, чтобы приземлиться лицом прямо в пол и разбить хотя бы нос, делает шаг и останавливается.

Кажется, разум покидает меня окончательно, потому что вместо того, чтобы сбежать, я подхожу к нему и снова толкаю. Но на этот раз должного эффекта не получаю. Я словно пытаюсь сдвинуть с места стену. Вот только она еще и пово-

рачивается. Быстро. Грациозно. Вижу глаза мужа. Немного расширенные и явно удивленные.

Хоть что-то я получаю за свой безрассудный поступок. Но мне этого недостаточно. Я замахиваюсь. Но рука не достигает цели. Дима ловит ее прямо у своей щеки. И, прежде чем я успеваю понять, что происходит, мир меняется вверх ногами, а на живот что-то давит.

— Жди в кабинете, — бросает Дима брату и начинает двигаться.

Глава 5

— Пусти меня, — я бью мужа по спине, когда он поднимается по ступеням вверх. — Пусти, кому сказала!

Естественно, никакой реакции не получаю. Тогда пробую оттолкнуться от его спины и ударяюсь затылком о потолок. Боль такая резкая, что перед глазами темнеет. И я во избежание повторения падаю обратно.

— Ты в порядке?

Это беспокойство скользит в голосе Димы? Я даже замираю, а в это время он выносит меня из погреба. Но потом снова вспоминаю...

Разум словно красная пелена застилает. Я начинаю вырываться. Дергаюсь, кручусь, бью мужа по спине. Но его руки — тиски. Они так крепко сжимают меня, что просто нереально освободиться.

Охранники, которые встречаются по пути, нервно поглядывают на нас. Но даже не пытаются вмешаться. Один только что-то шепчет на ухо другому, и они оба натягивают на себя маску невозмутимости.

Когда Дима поднимает меня на второй этаж, заносит в комнату и запирает за нами дверь, я понимаю, что все кончено.

Бежать некуда. Договориться не получится. От генерала не скрыться.

Я становлюсь пленницей в собственном доме. С тираном мужем. Как в книжках, которые мне так нравилось читать. Вот только в реальности это совсем не романтично. И явно нездорово.

Дима бросает меня на кровать, и я задыхаюсь. Воздух выбивает из тела, а голова ударяется о кровать. Перед глазами мутнеет, но ненадолго. Через мгновение я уже вскакиваю на ноги прямо на кровати и смотрю на мужа, который своей невозмутимостью еще сильнее выводит меня из себя.

Он наблюдает за мной, словно за игрушкой. Ужасно интересной, которую хочется разобрать, чтобы понять, как она устроена. За наши почти два года брака я была послушной женой, толком не спорила, а тут такое диво.

Мечусь взглядом по комнате. Сама не понимаю, чего хочу. Найти путь к отступлению или лучше что-то тяжелое, чем можно зарядить по наглой роже мужа.

Как он смеет говорить, что я ему принадлежу?! Штамп в паспорте не дает ему никаких прав!

Ох, нет! Я так просто не сдамся.

На глаза попадается дверь в ванную.

Делаю обманный маневр — шагаю влево, но быстро разворачиваюсь и прыгаю с кровати в другую сторону. Жаль, что постоянно забываю, что мой муж не простой человек. Его инстинкты обострены, как у животного. Он перехватывает меня прямо в полете. И вместо того, чтобы снова бросить на кровать, падает вместе со мной и наваливается свер-

ху. Его тело вдавливают меня в матрас и лишает возможности двигаться.

Я не сдаюсь. Царапаю ногтями его спину. Он шипит и тянется за моими руками. Перехватывает их, но, прежде чем успевает поднять, я впиваюсь зубами в его плечо.

— Ева, блять!

Мои руки вновь зажаты за головой. Он держит меня за подбородок и прижимает мою голову к кровати.

— Прекрати истерику, — шипит муж сквозь стиснутые зубы.

— И почему я должна это сделать? — пытаюсь покрутить головой, но Дима держит так, что мне не пошевелиться.

— Какого хрена ты вообще творишь? — он впивается в меня взглядом. Это еще больше меня бесит!

— Я какого хрена творю? Ты себе этот вопрос задавал? Сначала заявляешь, что ты спал с другими бабами с самого начала нашего брака? Потом избиваешь моего друга до полусмерти? А после этого еще заявляешь, что я тебе принадлежу? Тебе в плену вообще мозги отшибло? — выплевываю я.

Знаю, что надавливаю на его больную точку. Знаю, что мои слова могут вызвать еще больший гнев. Но остановить себя не могу.

— Ты знала, за кого замуж выходила, — Дима смотрит мне прямо в глаза и, кажется, не дышит. Я вообще не уверена, что передо мной живой человек.

— А ты, похоже, совсем не знаешь меня, — слезинка скатывается с уголка глаза.

Пытаюсь отвернуться. Не хочу показывать ему свою слабость. Но он держит меня крепко. Не дает сдвинуться ни на миллиметр. Смотрит прямо в глаза, будто пытается что-то там найти. Какой-то ответ на свой вопрос

— Ты меня совсем не знаешь... — мой голос дрожит, а внутри разливается боль. Тягучая, заполняющая все внутри. Не дающая освободиться и затягивающая вглубь тьмы.

Вся наша жизнь была ложью. Все было ложью. Все...

— Думаешь? — один уголок губ Димы поднимается вверх. — Не знаю?

Его голос наполняется хрипотцой. А мои глаза расширяются.

Я знаю это тон... Знаю...

Дима отпускает мой подбородок. Но вместо того, чтобы слезть с меня скользит ладонью вниз: по шее, ключице, груди...

— Что ты делаешь? — шепчу я.

Не могу отвести взгляда от его глаз, которые под темными бровями кажутся почти черными.

— Я знаю тебе лучше, чем ты думаешь, — шипит он и сжимает мою грудь.

— Пусти меня! — я брыкаюсь, пытаюсь вырваться из железной хватки мужа. Но не могу. Вместо того, чтобы внять моей просьбе, он наваливается на меня и скользит рукой по

моему боку вверх, пока не захватывает обеими руками мои запястья. Его горячее дыхание обдувает мои губы, горящие глаза присваивают себе мой взгляд, жар его тела опалает меня.

Дима молчит.

Я тоже.

Дышу часто, с каждым вдохом втягивая его мускусный, с нотками хвои аромат. Этот аромат, свойственный только ему. Этот аромат, который всегда сводил меня с ума. Но сейчас... сейчас он будит во мне лишь гнев.

Я стискиваю губы и с гордо поднятым подбородком встречаю его наполненный тьмой прошлого взгляд. Он меня никогда не пугал, всегда вызывал желание разгадать, что же за ним скрывается, и сейчас не вызывает ни доли страха. Я готова дать отпор!

Дима склоняет голову набок, словно наблюдает за новой зверушкой, которую привели ему на перевоспитание.

— Почему я этого раньше в тебе не замечал? — спрашивает он, скорее себя, чем меня.

Но я чувствую, как в моей груди что-то закипает. Сердце начинает стучать быстрее, а жар, который передается мне от мужа, собирается расплавить тело. Ему мало просто изранить душу. Ему нужна я вся.

— Может, потому что предпочитал трахать шлюх вместо того, чтобы уделять время жене?

Дима усмехается. Усмехается!

— Возможно, ты права, — улыбка пропадает с его лица, а тело напрягается. — Нужно это исправить.

Я не успеваю ничего предпринять, как его губы обрушиваются на мои. Он кусает меня за нижнюю губу, я вскрикиваю то ли от резкой боли, то ли от неожиданности. И Дима пользуется ситуацией, его язык проникает в мой рот.

Не могу дышать. Не могу двигаться.

Ничего не понимаю.

Но всего лишь мгновение.

В следующий миг, я впиваюсь зубами в его язык. Сильно! Так, чтобы причинить не просто боль, но и вред. Вот только ничего не получается. Дима не отпускает меня. Наоборот, он сильнее впивается в мой рот.

Он целует меня. Жестко. Как никогда не целовал.

Между нами всегда скользила лишь нежность. Казалось, он боялся меня сломать. Но что в итоге? В итоге, он нашел ту, кого можно было «ломать» как ему всегда хотелось.

Я кусаю его. Снова. На этот раз за губу.

Дима шипит и отстраняется.

— Отвали от меня, — хочется закричать, но голос подводит, и из меня вырывается писк.

Я пытаюсь выгнуться, но Дима слишком тяжелый, чтобы я могла пошевелиться.

— Шлюх своих трахай, — я не оставляю попыток и начинаю выкручивать руки. Кожу жжет, но хватка мужа крепче любых оков, которые могли придумать специально для меня.

— А ко мне не прикасайся.

Обхватываю Диму ногами, пытаюсь перевернуть, но вместо этого лишь еще сильнее сближаю нас. Его твердый член оказывается прямо между моих ног. И я замираю.

Наше дыхание смешивается: мое — быстрое, поверхностное, а его — спокойное и тяжелое.

Мои попытки избавиться от него не повлияли даже на его дыхание. Что уж говорить об остальном?

— Сегодня я хочу тебя, — еле слышно произносит он, а я теряю дар речи.

Только открываю рот, но оттуда ничего не вылетает. Даже забываю пошевелиться, когда Дима перехватывает мои запястья одной рукой, а второй — пробирается между нами и пытается расстегнуть пуговицу на моих джинсах.

О боже!

— Нет! Не прикасайся, — я пытаюсь сдвинуться, но не могу. Он все еще прижимает меня к кровати, оставив между нами лишь небольшой просвет для своей руки.

— Дима, прекрати! Что ты делаешь?

Голос срывается, когда пуговица расстегивается.

— Дима! — я пытаюсь извиваться, но бесполезно.

Он — скала. Мне не сдвинуться. Его сила становится для меня проклятием. Хотя раньше я ею восхищалась. Чувствовала себя защищенной. Чувствовала его власть и отдавалась ей.

Думала, что такой сильный мужчина принадлежит мне.

Но когда звук расстегнутой ширинки разносится в тишине комнаты, все уходит на второй план. Остается лишь одно желание — выбраться.

Я не могу быть с ним. Не после других. Больше не могу...

Тяну руки на себя, причиняя себе жгучую боль. Отталкиваюсь пятками от кровати, пытаюсь повернуться. Выгибаюсь, надеясь, что смогу сбросить его с себя. Но мое сопротивление дает ему лишь больше возможностей для маневра.

Он стаскивает с меня джинсы вместе с трусиками и опускает их до середины бедер, тем самым блокируя мои движения. Но не продолжает. Не пытается меня раздеть полностью. Не двигается. Лишь снова ловит мой взгляд и тяжело дышит.

— Дима... — шепот смешивается с глубоким дыханием.

Кажется, его глаза потемнели еще сильнее, когда он начинает пробираться под мою футболку. Медленно, очень медленно поднимает, пока не обнажает кожу и белый лифчик.

— Не надо, — я задерживаю дыхание, когда он стаскивает чашки лифчика вниз.

— Ты сказала, что я тебя не знаю, — Дима с каждым словом еле касается губами моих губ. — Ты даже не представляешь, как ошибаешься.

Он двумя пальцами сжимает мой сосок, а из меня вырывается всхлип. Не боли. Нет. По телу проносится волна тепла. А Дима проводит языком по моим губам.

Я пытаюсь отвернуться, но он ловит мою нижнюю губу зу-

бами. Несильно сжимает, но достаточно, чтобы легкая боль пронеслась еще одной волной по телу. Дима разжимает зубы и зализывает место укуса. На этом не останавливается. Проводит губами по щеке. Едва касаясь. Почти невесомо. Горячее дыхание мужа оставляет на коже следы. А когда его язык касается мочки уха, я забываю, как дышать.

Легкое прикосновение заводит еще сильнее, когда оно сменяется укусом.

Стон вырывается из меня, стоит зубам сомкнуться на мочке, а после этого я снова чувствую влажное тепло его языка.

Муж губами скользят по моей шее, оставляя невесомые укусы и такие же невесомые поцелуи. Он спускается ниже и ниже, пока не достигает груди. Берет в рот один сосок, а второй снова зажимает, а я не могу сдержать стон.

А стоит ему начать сосать его, мир растворяется. Глаза сами закрываются, а порывистые вдохи начинают слетать с губ. Тепло рта в сочетании с легкими посасываниями и сильными укусами, разносит тепло по моему телу.

Я даже не чувствую, когда Дима отпускает мой сосок. Только его прикосновение к клитору заставляет меня очнуться. Но только до тех пор, пока он не начинает кружить по чувствительному бугорку. Размеренные движения заставляют мое дыхание сбиться. А когда он скользит внутрь меня сначала одним пальцем, а потом добавляет к нему второй, я вовсе забываю, что такое «дышать».

Движения мужа ровные, четкие, уверенные. Длинные

пальцы проникают глубоко в меня. Так чертовски глубоко. Я закусываю губу, когда основание его ладони касается клитора. И с каждым движением пальцев трет его.

Забываю обо всем, чувствуя, как внизу живота нарастает жар.

Хочу сосредоточиться на этих ощущениях. Хочу позволить себе отпустить контроль. Хочу забыть.

Дима снова нависает надо мной. Он не пытается меня поцеловать или как-то еще прикоснуться. Его пальцы скользят во мне, пока он смотрит на меня. Лишь смотрит, а я понимаю, что в первый раз вижу его взгляд таким... затуманенным.

Он наблюдает за моей реакцией, когда ускоряет толчки пальцем. Не упускает, как учащается мое дыхание, когда он сильнее прижимает ладонь к клитору. Ловит взглядом тот момент, когда дыхание застревает у меня в груди.

Он делает еще один толчок. Ладонь снова трет клитор.

Узел внизу моего живота взрывается.

Я ловлю ртом воздух. Перед глазами темнеет. Каждая мышца в моем теле напрягается. И также резко расслабляется. Тело содрогается.

Веки начинают закрываться, но я слышу рык:

— Нет, смотри на меня!

Подчиняюсь.

Смотрю в его глаза, когда он делает еще один толчок.

Он посылает еще одну волну удовольствия по моему телу.

Кусаю губу.

Он снова толкается в меня, после чего вытаскивает из меня пальцы и начинает кружить ими по клитору. Раз за разом. Круг за кругом. А я уже не могу сдерживать не только стоны — я не могу сдерживать себя.

Начинаю метаться на кровати. Запрокидываю голову. Стону в голос, когда узел снова начинает собираться внизу живота. Он растет. Растет. Растет.

Пока...

Дима не делает последний круг.

Мир разлетается к чертям.

Тело охватывает дрожь. По венам проносится невыносимый жар. Спина выгибается.

Я не вижу и не чувствую ничего. Только истинное удовольствие. Дыхание такое частое, что я не могу быть уверена, попадает ли в мое тело воздух. Все, что я могу — лежать. Лежать и теряться в наслаждении, блаженстве, тепле.

— Посмотри на меня! — приказ мужа звучит отдаленно, но я подчиняюсь.

Еле могу разлепить веки и встречаюсь с его черными глазами. Они так сильно темнеют, что больше напоминают демонические. А полуулыбка добавляет еще пару очков к образу.

Дима подносит пальцы, которые совсем недавно были во мне, к лицу, засовывает их в рот и облизывает.

Я забываю, как дышать. Снова.

Внизу живота что-то сжимается. Снова.

— Мне всегда нравился твой вкус, — протяжные нотки в хриплом голосе, заставляют меня слететь с катушек.

Дима все еще держит меня. Не отстраняется. Не двигается. Но меня это не останавливает. Я тянусь к его губам, и сама целую его. Чувствую свой вкус: терпкий и одновременно мягкий. Теряюсь в ощущениях. Хочу его всего. Хочу прикасаться к нему. Хочу его в себе!

Дима прерывает поцелуй, мгновение смотрит на меня и тянется к своей ширинке, когда... стук сотрясает дверь в спальню.

— Дмитрий Геннадьевич, у нас проблема.

Сквозь шум в голове, я узнаю голос одного из охранников мужа.

Дима замирает. Его лицо моментально становится жестким. Скулы заостряются, а из глаз исчезает дымка.

— Что случилось? — произносит он громко и спокойно, что не соответствует огню, полыхающему в его взгляде.

— Ш-шейх... он хочет с вами срочно поговорить, — голос за дверью звучит слишком взволнованно. — Мы пытались сказать, что вы заняты, но...

Дима набирает в грудь воздух и закрывает глаза. Странно, что я не слышу скрипа его зубов.

— Сейчас буду.

Это облегченный выход раздается за дверью? Но он тут же скрывается за чередой быстрых шагов. А вместо жара в

глазах мужа вижу только обычное для него спокойствие. Он медленно отпускает меня. Встает. Поправляет одежду, не отводя от меня взгляда. Про член, выпирающий через джинсовую ткань, тоже не забывает.

И все это, пока я лежу на кровати и пытаюсь понять, какого хрена только что произошло.

Объяснений не жду. Ни от него. Ни от себя.

Мысленно молю о том, чтобы Дима оставил меня одну. Мне нужно подумать. Нужно понять, как дальше жить... со всем этим.

Но вместо того, чтобы сразу уйти, Дима опять нависает надо мной, опираясь руками по обе стороны от моей головы, и оставляет быстрый поцелуй на моих губах. Снова захватывает мой взгляд в плен, долго смотрит, прежде чем обрушить на меня правду, которую я всеми силами запихивала подальше:

— А говорила, что я не знаю тебя. Твое тело говорит об обратном.

Глава 6

Гад! Какой же он все-таки гад!

Знает он меня! Ага! Сейчас!

Только пусть появится передо мной!

Но нет же, муж оставил меня одну в спальне почти на сутки. Только своих собачонок посылал, чтобы те принесли мне еду. Она, конечно, тут же оказывалась на их головах, и, видимо, мужа это устраивало, с учетом того, что через пару часов другая собачонка появлялась перед моей дверью.

Как только он вернется, я ему устрою!

Вытаскиваю из-под головы подушку и запускаю ее в дверь. Глухой удар, и она падает на пол к еще двум. Силы стучать в дверь кулаками, требовать встречи с мужем, кричать во все горло уже давно оставили меня. Я могу лишь лежать на кровати и думать, как моя жизнь превратилась в сказку о красавице и чудовище. Почему я раньше не замечала, что вышла замуж за чудовище?

Я же любила Диму. Правда, любила.

И даже представить не могла, чем моя любовь обернется для меня же.

Сутки взаперти заставляют меня переосмыслить жизнь. Я четко осознаю, что мне нужно уйти от мужа. Неважно как! Главное - это сделать. Иначе, он меня сломает. Жестокое прошлое сделало его таким, какой он есть. И вряд ли это

можно исправить.

Ключ поворачивается в замочной скважине, и я сажусь на кровати. Волосы в полнейшем беспорядке, поэтому я заправляю их за уши. А когда дверь открывается, и на пороге появляется совсем не муж, то еще и одеялом прикрываюсь. Джинсы валяются на полу посреди комнаты, а на мне остались только футболка и белые хлопковые трусики.

В спальню входит девушка в берцах и идеально сидящем на худощавой фигуре деловом костюме. Ее темные волосы затянуты в тугий пучок, что делает ее и без того острые скулы еще острее и выделяет глаза, в которых отчетливо видны азиатские корни. Военная выправка от меня тоже не скрывается, особенно, когда она останавливается у двери и заводит руки за спину.

— Добрый день, Ева Алексеевна, — девушка смотрит прямо мне в глаза, но меня не покидает ощущения, что не видит вовсе. Ее взгляд безэмоциональный, я бы даже сказала расфокусированный. — Меня зовут Зарина. Теперь я буду вас охранять вместо Вячеслава.

Мои брови ползут вверх, а мысли скачут. Но я не успеваю их сформировать во что-то разумное, когда девушка продолжает:

— Также Дмитрий Геннадьевич приказал передать вам, что сегодня состоится встреча с шейхом. И вам нужно быть готовой к поездке через час.

Я открываю рот и тут же закрываю его. Мои глаза сужа-

ются, что не скрывается от охранницы. Она напрягается. Изменения едва заметны, она стала всего на пару миллиметров выше. Но этого достаточно, чтобы я откинула одеяло и встала, забыв о мнимой стеснительности.

Я подхожу к девушке. Мне приходится запрокинуть голову, чтобы заглянуть ей в глаза.

— А больше Дмитрий Геннадьевич тебе ничего не приказал? — цежу сквозь стиснутые зубы и вижу, как мускул на щеке Зарины дергается.

— Никак нет, — она смотрит поверх меня, и я чувствую ее пренебрежение. Охранница явно восхищается моим мужем. Оно-то понятно. Каким бы он ни был мужем, начальник из него отличный. Или тут что-то большее?

Я хмыкаю и разворачиваюсь. Но в тот же момент снова поворачиваюсь обратно и отпихиваю Зарину в сторону. Она не ожидает от меня такой подлянки, делает несколько шагов, пытаясь восстановить равновесие, но мне хватает мгновения ее промедления, чтобы вылететь из спальни.

Сразу бегу к лестнице. Слышу «стой» и быстрые шаги за спиной. Ускоряюсь. Спускаюсь по лестнице так живо, что сама удивляюсь, как по дороге не поскользнулась и не свернула себе шею. Но останавливаться рано. Тем более тяжелые удары берцев о ступени приближаются.

Входная дверь прямо у лестницы манит к себе. Но я быстро отметаю вариант сбежать. Бесполезно. Вместо этого несусь по коридору, но не в сторону погреба, а в противо-

положную. Пока не попадаю в гостиную и не вижу нужную дверь.

Возле нее замерли те же две собачонки, которых я видела в винном погребе. Они сразу замечают меня и переглядываются. Но ничего предпринять не успевают, потому что я подлетаю к ним.

— Только попробуйте меня задержать, — шиплю я на них и нажимаю на дверную ручку.

Слышу за спиной женское «держите ее», но уже поздно. Я встречаюсь с черными глазами мужа, которые на фоне бежевых стен, кажутся действительно демоническими.

Замираю в двери.

Дима не один.

Вижу лишь седые волосы и серый костюм мужчины, который сидит в черном кожаном кресле напротив стола мужа, и так некстати вспоминаю, как выгляжу.

Собеседник мужа медленно разворачивается, а я уже готова извиниться и закрыть за собой дверь, когда понимаю, кто передо мной.

— Дядя Руслан! — широкая улыбка сама появляется на моем лице, когда я встречаюсь с яркими зелеными глазами сводного брата отца.

Он всегда был для меня не просто дядей. Иногда казалось, что он заменял отца. Именно дядя Руслан приходил на мои утренники в детском саду, водил меня на карусели, а, когда я подросла, пробивал по базе моих парней.

Жаль только, что последние несколько лет, он жил в Санкт-Петербурге. И виделись мы нечасто.

Дядя Руслан широко улыбается и встает с кресла, а я срываюсь с места и бросаюсь в его объятия. Он ловит меня в полете и задорно смеется.

— Мне кажется, или ты за последние несколько лет подросла? — дядя Руслан ставит меня на пол и немного отстраняется.

Я тоже не могу сдержать смешка.

— Ты же в курсе, что я взрослая? — отхожу на шаг назад и приподнимаю бровь. Я могу только стареть.

— И это ты говоришь? — дядя Руслан пытается растрепать мои волосы, но я уворачиваюсь от его руки. Он опускает руку и делает страдальческое выражение лица. — Мне еще пять лет до пенсии, а я уже задыхаюсь, когда поднимаюсь на второй этаж по лестнице.

— Ой, давай не прибедняйся, — я легко толкаю дядю в плечо. — Ты еще своим лейтенантам и капитанам на тренировочном полигоне фору дашь.

Дядя Руслан запрокидывает голову и раскатисто смеется.

— Ты же в курсе, что я только руковожу и в кабинете бумажки перекладываю?

Я открываю рот, собираюсь сказать, что знаю о его «наглой лжи», но моментально забываю о всех словах.

— Ева, ты что-то хотела? — жесткий голос мужа действует на меня, как ушат холодной воды.

Видимо, на моем лице что-то отражается, потому что дядя Руслан тут же хмурится и переводит взгляд с меня на мужа. Я же набираю в грудь воздух и поворачиваюсь.

— Да, — металлические нотки пронизывают голос. — Поговорить нужно.

Дима развалился в своем кресле. Его лицо осунулось еще сильнее, будто он совсем не спал. Но джинсы и футболку все-таки сменил на черную рубашку и брюки с кожаным ремнем и серебряной пряжкой.

На столе рядом с разбросанными фотографиями и документами стоит хрустальный графин с виски и два стакана. Если напиток дяди Руслана кажется нетронутым, то стакан мужа опустошен.

Но даже не это привлекло мое особое внимание, а шкаф с документами за спиной Димы. Одна стеклянная дверка была разбита. Похоже, в нее бросили что-то тяжелое, судя по круглой дыре посреди стекла.

— Руслан, подождешь в гостиной? Нам нужно закончить разговор, — муж отрывается от спинки стула и начинает собирать документы с фотографиями и засовывает их в черную папку. А мой взгляд цепляется за его руки — они все в мелких порезах.

— Ева, надеюсь, мы успеем еще пообщаться, — дядя касается моего плеча, но я не реагирую. — Обязательно позвони мне на днях. Я задержусь в Москве. Пока не знаю надолго ли, но задержусь.

Я машинально киваю, не отрывая взгляда от рук мужа. Царапины уже начали покрываться коркой. Значит, что-то произошло вчера. Но что?

Хлопнувшая дверь заставляет меня вздрогнуть, и я поднимаю голову.

Дима пристально смотрит на меня. Чувство, будто он готов разложить меня здесь, прямо на своем столе, не отпускает. На мгновение забываю, что нужно дышать. Почти непреодолимое желание отступить, скрыться за дверью и убежать обратно в спальню, где безопасно, захватывает разум. Но все же я беру себя в руки и опускаюсь в кресло, где недавно сидел дядя Руслан.

Сразу же замечаю свои голые ноги. Щеки начинают гореть, когда понимаю, что сверкала задницей в белых трусиках не только перед охраной, но и перед дядей Русланом. Закусываю губу и бросаю исподлобья взгляд на мужа. Он не двигается и, кажется, не дышит. Вот только я-то знаю, что он следит за каждым моим движением, за каждой моей реакцией. И если я покажу ему свою слабость, то точно пожалею.

Набираю воздух в легкие и вздергиваю подбородок, прежде чем откинуться на спинку кресла.

— Что ты от меня хочешь? — слова слетают с губ слишком легко, что, в принципе, неудивительно, ведь не совсем то, что я хочу сказать.

Мне больше интересно, какого хрена он вообще женился на мне, если ни о какой любви не идет речи. Но боюсь, ответ

станет для меня таким сильным ударом, что я его не переживу. А в том, что Дима скажет мне правду, нет ни капли сомнений.

Поэтому я предпочитаю сбежать от прошлого и разобратся, с чем придется столкнуться в будущем. Стараюсь выглядеть уверенной, но пальцы впиваются в бедра и выдают меня с головой. Взгляд Димы на секунду опускается к ним, прежде чем снова вернуться к глазам.

— Мне нужна ты, — тихие, едва уловимые слова, но звучат как гвозди вбиваемые в крышку гроба. Моего гроба.

Прикрываю глаза. Стараюсь дышать ровно. Но ногтями впиваюсь в кожу. Боль немного отрезвляет разум, которые успевает окунуться в панику.

— Зачем? — единственный вопрос, на который я действительно хочу знать ответ.

Дима отрывается от спинки стула и ставит локти на стол, сцепляя пальцы. Смотрит на меня поверх своих рук. Долго. Слишком долго. Я уже начинаю переживать, что не получу ответ. Цепляюсь взглядом за разбитое стекло. Все, что угодно, лишь бы не видеть этот непроницаемый взгляд, который то кипятком обдаёт мое тело, то в холодную прорубь его окунает.

— Ева, — всего одно слово, произнесенное тихим, но грубым голосом, и я вздрагиваю. — Ты ведь помнишь, что мы женаты?

— Это легко исправить, — говорю быстрее, чем успеваю

подумать и тут же жалею, потому что Дима встает со своего места. Как его стул не ударяется об и без того пострадавший шкаф, остается загадкой. Спинка замирает в паре миллиметрах от не пострадавшего стекла, в то время как Дима обходит стол.

Вжимаюсь в кресло. Оглядываюсь. Ищу пути к отступлению. Но их нет. Их попросту нет.

Дима же возвышается надо мной, закрывает собой свет, а я теряюсь. Боюсь поднять глаза. Боюсь, что перегнула палку. Боюсь, что моя дерзость закончится плачевно.

Не знаю, чего ждать от Димы.

Я больше не знаю его. И не уверена, что вообще когда-то знала.

Но к моему удивлению, вместо того чтобы вытащить меня из кресла, бросить на стол и наброситься, как дикарь, Дима садиться передо мной на корточки.

Теряю дар речи. В который раз...

Теперь я смотрю на Диму сверху вниз и даже не чувствую себя, словно в капкане, несмотря на то, что он положил обе руки на подлокотники.

Непроницаемое лицо мужа становится для меня настоящим проклятьем. Я никогда не могла даже предположить, что у него на уме. И сейчас все, что могу делать — ждать. Ждать, пока Дима соизволит что-то сказать мне. Сообщит очередную «правду».

Я даже не поняла, что затаила дыхание, пока легкие не на-

чали гореть. Резко выдыхаю, одновременно со словами мужа:

— Ты должна понять, я не дам тебе развод.

Слова, обернутые в огранку из спокойствия, заставляют мое сердце пуститься вскачь.

Конечно же, я знаю, что он меня не отпустит. Знала, что скрыться от мужа почти непосильная для меня задача. Но получить очередное подтверждение, глядя в его непроницаемые глаза, это словно удар под дых получить. Также больно и непонятно, что же я такого сделала, чтобы его заслужить.

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы взять себя в руки.

Если Дима не хочет меня отпускать, он тоже должен кое-что понять.

— Как раньше больше не будет, — глаза жжет, и я сглатываю ком, который так и намеревается перекрыть горло. — Я не смогу тебя простить.

Не смогу забыть фотографию. Не смогу вычеркнуть из памяти, что наша жизнь оказалось ложью. Не смогу избавиться от воспоминания, что с самого начала он мне изменял.

Лучше бы соврал.

Закусываю нижнюю губу и отворачиваюсь. Лучше смотреть куда угодно, лишь бы не на человека, которого когда-то обещала любить до конца жизни. Лишь бы не видеть того, кто свое обещание так и не сдержал.

— Мне не нужно твое прощение, — тихие слова почти

скрываются в шуме моих мыслей, но все же прорываются сквозь них и отдаются болью в сердце. — Мне нужно, чтобы ты была рядом.

Не выдерживаю и снова смотрю на него. Замечаю небольшой шрам, который скрывается за волосками правой брови. Не упускаю из вида морщинки, тянущиеся от глаз к вискам. И поджатые губы от меня тоже не скрываются. Такой знакомый, такой родной, но в то же время такой чужой. Как это возможно?

— Но зачем? — я закусываю щеку с внутренней стороны. Так хочу знать ответ. Нет, он мне нужен. Необходим. Я должна понимать, зачем весь этот фарс? Зачем все это?

Дима встает и возвращается к своему стулу, опускается на него, а я понимаю, что ответ не получу. Возможно, он сам не понимает, какого хрена держится за наш «брак». Зато отчетливо дает понять, что не отпустит. А зная его, слов на ветер он не бросает. Кроме двух: «навсегда и навеки».

Мысли путаются. Сил не остается. Все, чего мне сейчас хочется, это закутываться в одеяло и уснуть. А когда проснусь, понять, что все произошедшее было просто кошмаром. Спокойная и размеренная жизнь вернется. А ад, который я пережила за последние дни, постепенно забудется.

Вот только это всего лишь мечты. А у меня есть куда более важная проблема, которую нужно решить.

— Ты отправил Артема в больницу?

— А нужно? — Дима тянется к графину с виски.

Я вскакиваю с кресла и опираюсь ладонями о стол, нависая над ним.

— Дима...

Муж поднимает руку, и при этом наливает себе виски.

— Успокойся, все в порядке с твоим Артемом, — он подносит наполненный стакан к губам, но не притрагивается к нему. — Или будет...

Дима смотрит на меня поверх стакана. А я понимаю, на что он намекает. Только от меня зависит, будет ли в порядке человек, который всего лишь хотел мне помочь.

Да, твою же мать!

— Что ты хочешь? — я обхватываю край столешницы и сжимаю ее до боли в пальцах.

— Мне нужно, чтобы на встречах с шейхом ты была идеальной женой, — Дима ставит нетронутый бокал на стол. Немного виски выплескивается на деревянную поверхность, но муж не обращает на это внимание. Он поднимается и повторяет мою позу. Чуть ли не наваливаясь на стол, максимально сокращает между нами расстояние. Я чувствую его горячее дыхание у себя на губах и забываю обо всем. По телу проходит дрожь, и я сама тянусь к мужу. Но вовремя успеваю очнуться и делаю шаг назад.

— Это все? — голос больше напоминает писк, и я прокашливаюсь.

Легкая улыбка появляется на губах мужа и ту же исчезает. Если бы я не смотрела на него, то не заметила бы изменений

вовсе.

Дима кивает.

— Сколько мне нужно притворяться идеальной женой? — не знаю, куда деть руки, поэтому хватаюсь за край футболки — мне нужна хоть какая-то опора, а еще я испытываю непреодолимое желание прикрыться. Как же не вовремя я опять вспоминаю, что на мне кроме футболки и трусиков больше ничего нет.

Дима, конечно же, замечает мои попытки прикрыться. Но, как ни странно, предпочитает не комментировать, а просто говорит:

— Месяц.

Я, наконец-то, могу нормально дышать. Всего лишь месяц. Или лучше сказать целый месяц! За это время я придумаю, как исчезнуть так, чтобы генерал меня не нашел. Киваю. Слишком воодушевленно. А может, мне этого всего лишь кажется? Потому что Дима никак не реагирует: не напрягается и в его взгляде ничего не меняется. Я вижу лишь пустоту. Такую глубокую, что в ней можно потеряться.

— Хорошо, тогда подготовься, — муж снова опускается в кресло и откидывается на спинку. — Как тебе должны были сообщить, у нас сегодня встреча с шейхом.

Я снова киваю и уже начинаю поворачиваться, когда решаю предпринять еще одну попытку:

— Так что с Артемом?

— Его забрал Вадим. Он позаботится о твоём «друге», —

последнее слова Дима буквально выплевывает и тянется к стакану. — Жду тебя через полчаса.

Я киваю, чувствуя, как облегчение накрывает на меня. Почти не помню, как выхожу из кабинета и поднимаюсь в спальню. На автомате одеваюсь, в коем-то веки выбирая черные расклешенные брюки и красную шелковую блузку вместо платья. Дополняю образ черными лодочками и клатчем. Волосы собираю в тугой пучок на макушке. Легкий макияж помогает скрыть следы нескольких бессонных ночей, прежде чем я спускаюсь вниз.

На улице нахожу не только мужа, который стоит, прислонившись к тонированному джипу, и разговаривает по телефону, но и еще две такие же машины прямо за нашей. У каждой стоят по два охранника, которые никак не реагируют на мое появление. Они смотрят прямо перед собой, словно забыли о том, что они живые люди.

Нехорошее предчувствие охватывает меня, но я заталкиваю его как можно глубже. Не знаю, что произошло, но не сомневаюсь, Дима с этим разберется. Каким бы хреновым он ни был мужем, рядом с ним все еще остается безопасно.

Стоит мне подойти, как Дима отклоняет вызов и открывает для меня пассажирскую дверь рядом с водительским местом. Я торможу.

— А кто поведет? — не спешу забираться внутрь.

Дима хмурится, но, по крайней мере, не пытается запихнуть меня в машину.

— Я, — он едва уловимо кивает на распахнутую дверь, но я не следуя немоу приглашению.

— Ты же пил, тебе нельзя за руль.

Я, конечно, благодарна, что не придется ехать со Славой. Увиденное, в подвале еще долго будет всплывать у меня перед глазами. Но и тот факт, что придется остаться в замкнутом пространстве с мужем, который совсем недавно не брезговал алкоголем, тоже не добавляет уверенности, что смогу добраться живой и невредимой до места назначения.

— Я не так много выпил, — Дима спокоен, даже слишком. Это то спокойствие, которое наводит ужас на врагов. То спокойствие, которое появляется у змеи перед нападением. То спокойствие, которое пугает меня до чертиков. — Поверь, ничто не повлияет на мои навыки вождения.

Оглядываюсь. Охрана рассаживается по машинам. Никто не собирается противоречить «хозяину». У меня тоже не остается выбора, поэтому я забираюсь внутрь джипа.

Пристегиваюсь еще до того, как муж занимает водительское место, и мы сразу выезжаем.

Нам едва удастся добраться до Москвы, как у Димы звонит телефон. Он вытаскивает его из кармана брюк и, прежде чем ответить, бросает взгляд на экран.

— Вадим, слушаю, — голос мужа напряженный, а брови собрались у переносицы. Не слышу, что говорит мужу его брат. Но видимо положение серьезное, ведь Дима резко выворачивает руль и, чуть ли не врезаясь в проезжающую по

встречке машину, разворачивается.

Только после того, как мы перестраиваемся, я понимаю, что рука мужа прижимает меня к сиденью.

Глава 7

Машина тормозит у загородного особняка. Наш дом по сравнению с этим кажется халупой. Охраняемая территория с собственным лесом, садом и огородом. Асфальтированная подъездная дорожка прерывается неработающим фонтаном с купидонами на выступе посередине. Сразу за ним находится четырехэтажный белый особняк с витражными окнами и огромными колоннами у входа, которые поддерживают открытую террасу на втором этаже. Крыша из серой черепицы дополняется четырьмя кирпичными трубами, которые подсоединены к настоящим каминам на всех этажах.

Я была в этом доме всего раз, когда выходила замуж, и не думала, что когда-нибудь вернусь. Поэтому, выходя из машины, постоянно бросаю мимолетные взгляды на мужа, но так и не получаю от него ответной реакции. Странно, что он еще ждет, пока я догоню его, а не мчится сразу внутрь. Он даже за руку меня берет, давая указания проверить территорию своим собачонкам. Я пытаюсь выдернуть ладонь из его хватки, но как только Дима это чувствует, сжимает мои пальцы еще сильнее. Вздыхаю, понимая, что смысла сопротивляться попросту нет. Зато, когда мы подходим к особняку, сама приближаюсь к мужу. Даже пытаюсь скрыться за ним.

Сразу четыре охранника в военной форме, с автоматами в руках и балаклавах встречают нас. Они лишь кивают мужу

и открывают нам дверь, но, проходя мимо них, я все равно чувствую, как мои внутренности скручивает в тугой узел. И это ощущение только усиливается, стоит нам войти в холл.

Охрана везде.

Двое у выхода, по одному у каждой из четырех дверей, расположенных по две на противоположных стенах, а на винтовой лестнице — сразу шесть человек. На фоне белых стен их форма кажется грязными пятнами. А грязные берцы как-то совсем не сочетаются с лакированным полом из натурального дерева, даже учитывая, что на нем остался приличный слой пыли. Да и автоматы совсем не подходят под хрустальные люстры, которые больше напоминают перевернутый фонтан с замершими в полете каплями. И конечно, выделяется рояль. С него, как я поняла, недавно стянули ткань, потому что он выглядит слишком чистым.

Муж в холле не задерживается. Тащит меня к дальней двери справа. Охранник никак не реагирует на наше появление. Стоит замершей и в то же время напряженной статуей, только его глаза постоянно сканируют пространство.

Муж толкает белую дверь, и мы попадаем в гостиную, где проходил фуршет перед тем, как на заднем дворе началась наша свадебная церемония.

Просторное помещение залито светом благодаря стеклянным раздвижным дверям, заменяющим дальнюю стену и ведущим на террасу. Свет отражается от белых стен и поблескивает на золотых вставках на колоннах в каждом углу ком-

наты. Стол у стены слева все еще накрыт белой тканью, зато два бежевые кожаных кресла и диван, которые окружают журнальный столик из затемненного стекла, открыты и вычищены.

В одном из кресел развалился Вадим, к моему удивлению, тоже одетый в военную форму.

Он видит нас и поднимается, проходит мимо зажженного камина, встроенного в кирпичную стену, и похлопывает брата по плечу. Они обмениваются красноречивыми, но ничего не значащими для меня взглядами, после чего Вадим широко улыбается мне.

— Не думал, что увижу тебя здесь, — он подмигивает, — или в ближайшее время.

Я смущенно опускаю взгляд. Понятия не имею, что Дима рассказал брату, но вряд ли поделился информацией о своих похождениях. Вот только, после всего, что Вадим видел у нас дома, не могу смотреть ему в глаза. Тем более в них вернулась смешинка. Меня не покидает ощущение, что Вадим смеется надо мной и моей слабостью. Хотя я-то знаю, что это всего лишь его маленькая особенность.

— Где Саша? Шейх? Как они? — строгий голос мужа, в котором я уловила нотки беспокойства, становится для меня спасением и в то же время отвлечением.

Я перевожу взгляд с Димы на его брата, не понимая, что могло такого случиться, раз мой всегда сдержанный муж проявил взволнованность.

— Саша в душе. Шейх с женой тоже. Приведут себя в порядок и сразу спустятся, — Вадим кивает на кресла, после чего разворачивается и идет к ним.

Дима тянет меня следом за братом. Я иду за ним на автомате. Саша? Саша — их младший брат? Я не видела его с нашей с Димой свадьбы. Из-за того, что он управляет компанией по транспортировке нефти и нефтепродуктов, то либо постоянно на работе, либо в разъездах. Саша даже на мое последнее сообщение с приглашением на семейный Новый год ответил только спустя неделю после самого праздника. Очень извинялся, что не написал раньше — был без связи в глубокой тайге, исследовал новое месторождение. Вадим, кстати, тоже не смог приехать — организовывал охрану какому-то африканскому принцу. Зато, к моему удивлению, Дима смог вырваться с работы и составил мне компанию. Даже после ужина обнимал меня, смотря со мной фильм. И не возникал, когда я выбрала романтическую комедию. Как сейчас помню — «Бойфренд на Рождество».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.